

Язык художественной литературы

Словесная формула «мнение народное» в драме А. С. Пушкина «Борис Годунов»

Сергей Юрьевич Баранов, Вологодский государственный университет (Россия, Вологда),
sb.corde@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170004465-0

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается смысловое и образное наполнение словесной формулы «мнение народное» в драме А. С. Пушкина «Борис Годунов», а также роль этой формулы в конфликтной структуре произведения. При этом особое внимание уделяется соотношению ядерного и периферийного семантических компонентов слова «мнение», что является актуальным для истолкования проблематики драмы как в социально-историческом, так и в нравственно-психологическом аспектах, как в плане пушкинской трактовки образа народа, так и в связи с авторской концепцией личности. Если ядерный компонент семантики слова «мнение» акцентирует в образе народа свойства высшего нравственного авторитета, выразителя воли масс, вершителя судеб государства и отдельных личностей, то периферийный компонент способствует реализации значения «казаться» и соотносится со способностью народной молвы порождать фантомы, оказывающие воздействие на события исторической значимости.

Таким фантомом становится роль якобы избежавшего гибели царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного, принятая на себя беглым монахом Григорием Отрепьевым, санкционированная «мнением народным», упразднившая личность самого носителя этой роли и провоцирующая кровавые эксцессы русской смуты начала XVII века. Жертвой «мнения народного» в драме Пушкина является и Борис Годунов, но, в отличие

от Отрепьева, он на протяжении всего действия стремится сохранить единство собственной личности и роли царя, в которой выступает на историческом поприще. Этим объясняется присвоенный ему Пушкиным статус «первой персоны», главного действующего лица произведения. Наблюдения над реализацией словесной формулы «мнение народное» в драме Пушкина позволяют сделать вывод о связи «Бориса Годунова» с процессом становления личностного сознания в русской литературе первой трети XIX века.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: конфликт, личность, «мнение народное», драма, молва, периферийный семантический компонент, просвещение, ролевое поведение, романтизм, смута, фантом, ядерный семантический компонент
для цитирования: Баранов С. Ю. Словесная формула «мнение народное» в драме А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Русская речь. 2019. № 2. С. 37–48. DOI: 10.31857/S013161170004465-0.

The Language of Fiction

The Verbal Formula “Mind of the People” in the Drama “Boris Godunov” by A. S. Pushkin

Sergey Yu. Baranov, Vologda State University (Russia, Vologda), sb.corde@mail.ru

ABSTRACT: Semantic and imaginative implications of the verbal formula ‘mind of the people’ in A.S. Pushkin’s drama “Boris Godunov” are examined in the article, as well as the role of this formula in the drama’s conflict structure. The article focuses on the correlation between the core and peripheral semantic components of the word ‘mind’ that is relevant for the socio-historical and moral-psychological aspects analysis of the drama’s problems both in terms of Pushkin’s interpretation of the public image and the author’s concept of personality. While the core semantic component of the word ‘mind’

emphasizes the features of the highest moral responsibility, exponent of the public will, determinant for a future of a government and citizens, its peripheral semantic component reveals the meaning 'to give the impression' and correlates with the popular rumors' spreading feature that affect significant historical events. The phantom of that kind was the son of Ivan the Terrible, Tsarevich Dmitry, who allegedly escaped to avoid death and whose role, that was taken by the monk Gregory Otrepiev approved by the 'mind of the people', that obliterated Otrepiev's personality and provoked bloody Russian distemper in the early 17th century. And Boris Godunov in Pushkin's drama is considered as a victim of the 'mind of the people', but in contrast with Otrepiev, he is trying to preserve the unity of his personality and the role of a tsar, he played in the history. Thus, the status of the 'first person', the protagonist, nominated by Pushkin, is motivated. "Mind of the people" speech patterns analysis in Pushkin's drama shows the connection between Boris Godunov and the process of public consciousness formation in the Russian literature of the first third of the 19th century.

KEYWORDS: conflict, personality, 'mind of the people', drama, rumors, peripheral semantic component, enlightenment, role behavior, romanticism, the Time of Troubles, phantom, core semantic component

FOR CITATION: Baranov S. Yu. The verbal formula "Mind of the people" in the drama "Boris Godunov" by A. S. Pushkin. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 2. Pp. 37–48. DOI: 10.31857/S013161170004465-0.

Слова Гаврилы Пушкина о силе «мнения народного», звучащие в сцене «Ставка», нередко трактуются как ключевые слова, «представляющие» глубинный смысл драмы «Борис Годунов». Правда, интерпретируются они по-разному, что обусловлено парадоксальной противоречивостью образа самого народа в произведении. С одной стороны, это «первобытная сила, пассивная в своей основе, колеблемая, точно тростник под ветром», с другой — «вершительница человеческих судеб, достаточно мощная, чтобы заставить склониться чашку весов в ту, а не в иную сторону» [Шмурло 1929: 26]. Соответственно, и «мнение народное» может быть трактовано и как порождение непредсказуемо изменчивой, зависимой от интриг честолюбцев «народной молвы», и как выражение воли всегда «непогрешительно истинного и правого в своих инстинктах» народа [Белинский 1982: 441].

Можно было бы определить и само «мнение народное», и его носителя как явления амбивалентные, двойственные, закономерно совмещающие в себе противоположные сущности. Но противоречие между этими сущностями тем самым не снимается. Они не образуют синтеза и не соотносятся друг с другом по принципу соподчинения, «субординации». Очевидно, что Пушкин, вводя в действие пьесы «мнение народное» как значимую силу исторического процесса, колебался в его оценке, в результате чего текст созданного им произведения дает повод для разных трактовок.

Еще в начале прошлого столетия историк Н. П. Павлов-Сильванский усмотрел несоответствие между высказыванием Гаврилы Пушкина о силе «мнения народного» и реальным проявлением этой силы в тексте пьесы. С его точки зрения, народ в «Борисе Годунове» представлен в роли униженной «до потери политического сознания, до равнодушия к переменам на престоле», безмолвствующей, несмотря на периодические вспышки стихийной активности, «бессмысленной черни». Между тем, отметил он, Пушкин, намереваясь написать историческую драму на материале Смутного времени, погрешил против исторической истины, поскольку «эпоха Смуты есть время не равнодушной терпимости, а действий народа и силы народного “мнения”» [Павлов-Сильванский 1908: 310–311].

Некоторое время спустя Б. М. Энгельгардт выдвинул версию о двух народах в драме «Борис Годунов». Первый, «народ сцены», представленный в конкретных персонажах, показан как «бессмысленное и дикое стадо, идущее туда, куда его толкают». Второй являет собой «идеальную могучую силу, которая творит историю и направлена на осуществление высших целей». Именно он есть «носитель “мнения” и верховный судия», не подлежащий, однако, воплощению в наглядные сценические образы из-за своей «идеальности», «собирательности», «отвлеченности». Понятие о нем выводится из речей Шуйского, Гаврилы Пушкина, Пимена, а результаты его деятельности могут быть выявлены и осознаны лишь в исторической перспективе [Энгельгардт 1995: 162–163].

Этими примерами, разумеется, многообразие трактовок содержательности и функциональной значимости «мнения народного» в драме Пушкина «Борис Годунов» не исчерпывается. Но и они дают повод к тому, чтобы обратиться к «первоначалу», к семантике самого слова «мнение» и соотнести ее с происходящим в произведении. В «Словаре языка Пушкина» его значение определено так: «Взгляд, точка зрения на что-н<ибудь>, суждение о чем-н<ибудь>» [Виноградов (отв. ред.) 2000: 628]. Это его ядерный семантический компонент, соотносящийся со второй, по Энгельгардту, ипостасью народа — носителя высшей правды, бескомпромиссного нравственного судии и вершителя национальной

истории. Но во внутреннем мире художественного произведения в слове могут актуализироваться и периферийные семантические компоненты. Отглагольное существительное «мнение» исторически восходит к глаголу «мнѣти» (думать, предполагать, считать) [Шанский, Иванов, Шанская 1971: 267] и через его посредство грамматически и семантически связано с такими словами, как «мнить», «мниться». Взятое вне контекста слово «мнение» включает в себя сему «определившееся суждение, убеждение». Согласно словарю синонимов, с ним, наряду со «взглядом», «точкой зрения» и «суждением», соотносятся такие слова, как «соображение», «позиция», «взгляд», «воззрение» [Александрова 2005: 209]. Но в контексте пьесы «Борис Годунов» в нем начинают проявляться значения «мнимое», «мнящееся», «кажущееся», «обманчивое». На это обстоятельство обратила внимание Л. М. Лотман, подробно рассмотревшая связи слова «мнение» с родственными и однокоренными словами в произведении Пушкина и обнаружившая в наличии таких связей основание для мысли о том, что «народ совершает роковую ошибку, признав за ожившего царевича мираж, фантом» [Лотман 1996: 161–166, 343].

Влияние «тени» погибшего царевича на ход действия пьесы отметил еще один из первых рецензентов ее И. В. Киреевский [Киреевский 1984: 85]. Но это не единственный «фантом», созданный воображением участников смуты и сопresentствующий живым, из плоти и крови, персонажам пьесы. В ней также ощутимо участие «теней» и Ивана Грозного, и Федора Иоанновича, и даже Ивана III, о которых упоминают и к которым апеллируют в своих речах действующие лица. Они настолько рельефно обозначены, что дают повод постановщикам пьесы в театре воплотить их в зримых сценических образах.

Действенность феноменов, порожденных «мнениями», глубоко интересовала Пушкина. Как социально-психологическая проблема она имела философскую подоплеку и соотносилась с недавними и текущими событиями в Европе и России. Вольтеровская максима «мнения правят миром» (*l'opinion gouverne le monde*) выражала один из постулатов идеологии Просвещения и имела широкое хождение. На ней базировались не только историко-философские концепции, но и тактические принципы политических движений — в частности, декабристского, связывавшего с пропагандистской активностью (действием словом) надежду на формирование могущественного «общего мнения» [Нечкина 1977: 395–419]. Однако кризис просветительской идеологии, вызванный Великой французской революцией, наполеоновскими войнами и чередой неудач освободительных движений в Европе, порождал сомнения и в эффективности целенаправленного формирования отвечающих требованиям «разума» прогрессивных общественных взглядов, и в благовторности стихийно

складывающихся народных мнений. Так, в программах декабристских организаций наряду с установкой на пропаганду передовых взглядов появился в начале 1820-х годов пункт о «действиях посредством войск», а пушкинский «Свободы сеятель пустынный» отважился произнести шокирующие глубочайшим скепсисом слова: «Паситесь, мирные народы! / Вас не разбудит чести клич. / К чему стадам дары свободы? / Их надо резать или стричь» [Пушкин 1947: 302].

Год спустя Пушкин приступил к работе над драмой «Борис Годунов», в которой попытался, избегая односторонности, взглянуть на исполненную трагизма историю «взглядом Шекспира». Этот взгляд дает о себе знать в «вольном и широком изображении» и отдельных характеров, и народа. Однако шекспировское наследие для Пушкина в данном случае было не только образцом для подражания, но и объектом творческой полемики. Через месяц после завершения работы над «Борисом Годуновым» он пишет поэму «Граф Нулин», пародирующую, по его собственному признанию, историю и Шекспира и в то же время «странно сближенную» с событиями 14 декабря на Сенатской площади [Пушкин 1949: 188].

История и Шекспир пародировались и в «Борисе Годунове». Пародированию в нем подвергалось и «мнение народное», приобретая при этом то комическую, то трагическую окраску. Пример комический — сцена «Девичье поле. Новодевичий монастырь», где общее умиление по поводу избрания Бориса на царство симулируется увлажнением глаз слюной вместо слез. Пример трагический — оба варианта финала: и неразумный крик толпы «Да здравствует царь Димитрий Иванович!», и ремарка «Народ безмолвствует».

Элемент пародирования истории присутствует даже в образе такого, казалось бы, безусловно авторитетного транслятора «народного мнения», как летописец Пимен, передающего потомству все, чему его «свидетелем Господь поставил». Во-первых, сам того не желая, Пимен наводит Григория Отрепьева на мысль о самозванстве. Во-вторых, достоверность некоторых «свидетельств» Пимена вызывает сомнения, и порой немалые. Касается это прежде всего версии о причастности Бориса Годунова к гибели малолетнего царевича Димитрия. Рассказ летописца о том, что именно он видел 15 мая 1691 года, находясь в Угличе, весомых доказательств вины Бориса не содержит. Этот рассказ посвящен описанию городских волнений, спровоцированных вестью о смерти последнего отпрыска Грозного, а признание, вырванное у предполагаемых убийц «под топором», доверия не заслуживает. Летописец Пимен подхватывает версию, распространяемую «народной молвой», поэтому его «свидетельство» является своего рода иллюстрацией к еще одному, исполненному иронии крылатому

выражению Вольтера: «И вот как пишется история!» (Et voila justement comme on escrit l'histoire!). Оно может быть перефразировано с установкой на русскую культуру: «И вот как пишется летопись!»

Русские летописи действительно не были беспристрастным, объективированным изложением событий. В содержащихся в них оценках и суждениях получали отражение интересы политических групп, а летописцы добру и злу внимали отнюдь не равнодушно. Что же касается перипетий угличской драмы, то, по мнению американской исследовательницы Кэрил Эмерсон, объективное подтверждение вины Бориса в пьесе отсутствует [Эмерсон 1999: 131], поскольку вина эта является предметом интриг, пересудов и домыслов. Это, разумеется, преувеличение, но доля истины, и немалая, в нем есть.

Другим выразителем «народного мнения», неизменно обращающим на себя внимание тех, кто пишет о пушкинской драме, является юродивый Николка. Как бескомпромиссное нравственное обличение трактуются его слова, обращенные к Борису: «Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как ты зарезал маленького царевича». И, в ответ на просьбу обличаемого молиться за него, — «Нет, нет! Нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит» [Пушкин 1948: 78]. Сам по себе эпизод с юродивым на площади перед Архангельским собором художественно выразителен и драматически насыщен. Но речи Николки порождают и эффект этического диссонанса. Если Борис действительно подобен царю Ироду, то не безопасно ли провоцировать его на «избиение младенцев»? Да и царь Иван Васильевич Грозный, почитавший юродивых и отличавшийся склонностью к жестокому «кромешному» юмору, мог бы истолковать провокацию блаженного как «указание свыше». О том же, что выражение «мнения народного» способно обернуться убийством, свидетельствуют две заключительные сцены произведения. В первой из них народ несется толпой к царским палатам с криком: «Вязать! Топить! <...> Да гибнет род Бориса Годунова» [Пушкин 1948: 96]. Во второй, словно отклик на народное волеизъявление, вершится жестокая расправа над сыном и женой прослывшего неугодным правителя.

Пушкинский «Борис Годунов» писался в эпоху романтизма, для которой характерно было обостренное внимание к проблеме народности и ее художественному воплощению. И хотя в идейно-эстетические рамки этого направления эта драма не укладывается, мысль о народе и образ народа играют в ней важную роль. Пушкина огорчало то, что в первое издание произведения не вошла колоритная народная сцена у Новодевичьего монастыря. Его восхищали и казались лучше созданных им самим народные сцены в драме молодого Н. П. Погодина «Марфа Посадница» [Барсуков 1890: 30]. А автор этой драмы, очевидно полагая, что следует

примеру создателя «Годунова», утверждал: «Главное действующее лицо <в ней. — С. Б.> народ» [Барсуков 1890: 189]. Однако сам Пушкин в тексте рукописи драмы, завершённой 7 ноября 1825 года в Михайловском, недвусмысленно отметил: «...в ней же первая персона царь Борис Годунов» [Пушкин 1948: 302].

И. С. Тургенев назвал романтизм «апофеозой личности» [Тургенев 1979: 20]. Пушкин, пройдя школу этого направления в первой половине 20-х годов, унаследовал глубокий интерес к проблеме человеческой личности от романтизма и продолжал ее разрабатывать на новых путях художественного творчества. «Мнение народное» и личность поставлены в драме «Борис Годунов» в конфликтные отношения. Конфликт между ними развивается по двум линиям: по линии Самозванца и по линии Бориса. Самозванец — персонаж, неоднократно меняющий облики на протяжении действия. Он именуется то Григорием, то отпрыском рода Отрепьевых, галицких боярских детей, то «сосудом дьявольским», то «злым еретиком», то «неведомым бродягой», то «смелым плутом», то «бесстыдным самозванцем», то Димитрием, «то царевичем, спасенным судьбой», то «великим принцем» и «светлейшим королевичем», то великим князем московским, то «надежей-государем», то «законным царем» и выступает в ролях то «бедного инок», то беглого монаха, то товарища разбитных бродячих старцев, то беззаботного баловня судьбы, то полномочного наследника московского престола, то покровителя искусств, то галантного кавалера европейского типа, то пылкого любовника.

Его образ соткан не только из поступков, но и из множества мнений о нем. Он дробится, зыблется, приобретает разные оттенки и не образует устойчивого единства. Многоликость Самозванца, вдохновенное разыгрывание им поведенческих ролей вызывают авторскую симпатию, но и оборачиваются трагическими последствиями. Речь идет не о бесславном конце Лжедмитрия I за пределами временных рамок пьесы, а об отчаянной попытке сценического героя освободиться от бремени мнений и ролей и обрести тождество с самим собой, со своей изначальной сутью. Попытка эта предпринимается Самозванцем в сцене «Ночь. Сад. Фонтан», где он решает признаться Марине Мнишек в том, что на самом деле царевичем не является, и выяснить, как гордая польская дева отнесется к «бедному черноризцу», в котором, однако, «доблести таятся, может быть, / Достойные московского престола...» [Пушкин 1948: 62]. Результат этого опыта оказывается катастрофическим. Марина дает понять Самозванцу, что его достоинства значимы лишь постольку, поскольку он принимается за царевича, чудесно спасшегося от подосланных Годуновым убийц. Созданный «мнением народным» фантом подавляет человека и подчиняет его себе. Сам же человек как таковой, как самоценная личность перестает

существовать. Он становится носителем принятой на себя роли, которая значительнее его самого.

Борьбу за «самостояние» личности ведет в пушкинской драме и Борис Годунов. Но она имеет иной смысл по сравнению с той, на которую отважился Самозванец. На всем протяжении действия Годунова волнует вопрос: царь он или не царь? Не по той причине, что он избранный, а не унаследовавший власть по принадлежности к царскому роду правитель. Его беспокоит соответствие присущих ему достоинств и качеств царскому сану, и сан этот для него не игровая личина, а образ и смысл жизни. Бориса, как и Самозванца, персонажи произведения то искренне, то лукаво, то злобно, то сочувственно наделяют разными характеристиками: «коварный злодей», «цареубийца», «вчерашний раб», «зять палача и сам в душе палач», «царь Ирод», просто «царь», «отец наш», «великий государь», «высокий дух державный». Характеристик этих гораздо меньше, чем у Самозванца, что уже само по себе показательно. Роль царя, которую Годунов на себя берет, единственная, и она прочно слита с его внутренней сутью, с его личностью. Он остается Борисом Годуновым и когда произносит речь перед патриархом и боярами после согласия принять царский венец (сцена «Кремлевские палаты»), и в обращенном к самому себе проникновенном монологе «Достиг я высшей власти...» (первая сцена «Царские палаты»), и в столкновении с юродивым (сцена «Площадь перед собором в Москве»), и в общении с сыном Феодором и с Шуйским (вторая сцена «Царские палаты»), и снова с Федором (сцена «Москва. Царские палаты»). Во всех этих ситуациях раскрываются разные стороны его внутреннего мира, но в каждой из них это внутренний мир царя Бориса Годунова. Вопрос о причастности к гибели царевича Димитрия для него — вопрос о соотношении человеческого и царского в собственной личности. Может быть, именно поэтому А. А. Майков считал его образ более человечным, чем царь Борис из драматической трилогии А. К. Толстого [Письма А. Н. Майкова к Ф. М. Достоевскому 1982: 69–70]. Пушкинский герой неоднозначен и противоречив, но всегда равен самому себе. Из жизни он уходит, как подобает царю, а пресечение его рода воспринимается не как справедливое возмездие, а как преступление. Годунов гибнет в борьбе с «фантомом», порожденным «мнением народным», но от самого себя не отрывается.

По-видимому, сам того в полной мере не осознавая, ведомый интуицией художника, Пушкин отобразил в драме «Борис Годунов» важнейший для истории русской культуры начала XVII века процесс — процесс становления личностного начала [Лихачев 1987: 171–201]. Но происходящее в написанной им драме имело для него не только исторический, но и жгуче современный интерес. Резко повысившая ценностный ста-

туса личности, эпоха романтизма остро поставила вопрос о зависимости человека от «мнений» — и частных, и общих. Драма Чацкого в комедии «Горе от ума», с которой Пушкин впервые познакомился в пору работы над «Борисом Годуновым», определялась именно этой зависимостью. Биография самого Пушкина — и в социально-бытовом, и в творческом аспектах — в значительной мере строилась на борьбе против многообразных форм подавления его как личности. Желая быть «любезным народу» своей поэзией, Пушкин в то же время осознавал и опасность, которую могло нести с собой «мнение народное», способное порождать «мнимости» и разрушительно действовать как на общество в целом, так и на отдельную личность.

Литература

- Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. 13-е изд., стереотип. М.: Русский язык — Медиа, 2005. 568 с.
- Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1890. Кн. III. 387 с.
- Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина. Статья десятая. «Борис Годунов»: соч. в 9 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 6. С. 427–453.
- Виноградов В. В.* (отв. ред.). Словарь языка Пушкина в 4 т. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. Т. 2. 1088 с.
- Киреевский И. В.* Обзорение русской литературы за 1831 год: избр. статьи. М.: Современник, 1984. С. 80–92.
- Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили: избр. работы в 3 т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 1. С. 24–260.
- Лотман Л. М.* Историко-литературный комментарий // Пушкин А. С. Борис Годунов. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1996. С. 129–359.
- Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. Изд. 3-е. М.: Художественная литература, 1977. 734 с.
- Павлов-Сильванский Н. П.* Народ и царь в трагедии Пушкина // Пушкин (Библиотека великих писателей / под ред. С. А. Венгерова). СПб.: типография Акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1908. Т. 2. С. 308–314.
- Письма А. Н. Майкова к Ф. М. Достоевскому (1868–1870) // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1982. Л.: Наука, 1984. С. 60–98.
- Пушкин А. С.* «Свободы сеятель пустынный...»: полн. собр. соч. в 17 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 2 (1). С. 302.
- Пушкин А. С.* Борис Годунов: полн. собр. соч. в 17 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 7. С. 5–96, 263–302.

- Пушкин А. С. <Заметка о «Графе Нулине»>: полн. собр. соч. в 17 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. С. 188.
- Тургенев И. С. Фауст, траг. Соч. Гете. Пер. первой и перелож. второй части. М. Вронченко: собр. соч. в 12 т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 12. С. 16–51.
- Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
- Шмурло Е. Ф. Этюды о Пушкине // Пушкинский сборник. Прага: тип. «Политика», 1929. С. 5–52.
- Эмерсон К. «Борис Годунов» А. С. Пушкина // Современное американское литературоведение: сб. статей / ред. У. М. Тодд III. СПб.: Академический проект, 1999. С. 111–152.
- Энгельгардт Б. М. Историзм Пушкина (К вопросу о характере пушкинского объективизма): избр. труды. СПб.: изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1995. С. 116–324.

References

- Aleksandrova Z. E. *Slovar' sinonimov russkogoazyka. Prakticheskii spravochnik. 13-e izdanie, stereotipnoe*. [Dictionary of synonyms of the Russian language. A practical guide]. Moscow, Russkii jazyk – Media Publ., 2005. 568 p.
- Barsukov N. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina* [Life and works of M. P. Pogodin]. Sankt-Peterburg, tipografiya M. M. Stasyulevicha Publ., 1890. Kn. III. 387 p.
- Belinskii V. G. [Works of Alexander Pushkin. 10th article. «Boris Godunov»]. Works in 9 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982. Vol. 6. Pp. 427–453. (In Russ.)
- Emerson K. [«Boris Godunov» by A. S. Pushkin]. *Sovremennoe amerikanskoe literaturovedenie: sb. statei* [Contemporary American Literary Studies, ed. U. M. Todd III]. Sankt-Peterburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. Pp. 111–152. (In Russ.)
- Engel'gardt B. M. [The historicism of Pushkin (on the question of the character of Pushkin objectivism)]. *Izbr. trudy*. [Selected works]. SPb., izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1995. Pp. 116–324. (In Russ.)
- Kireevskii I. V. [Review of Russian literature for 1831]. *Izbrannye stat'i*. [Selected articles]. Moscow, Sovremennik Publ., 1984. Pp. 80–92. (In Russ.)
- Likhachev D. S. [Development of Russian literature of X–XVII centuries. Epochs and styles]: *Izbrannye raboty: v 3 t.* [Selected works in 3 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987. Vol. 1. Pp. 24–260. (In Russ.)
- Lotman L. M. [Historical-literary comments]. *Pushkin A. S. Boris Godunov*. Sankt-Peterburg, Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskii proekt», 1996. Pp. 129–359. (In Russ.)
- Nechkina M. V. *Griboedov i dekabristy, izd. 3-e*. [Griboedov and the Decembrists, 3rd ed.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977. 734 p.
- Pavlov-Sil'vanskii N. P. [The people and the king in the tragedy of Pushkin]. *Pushkin (Biblioteka velikikh pisatelei / pod red. S. A. Vengerova)*. [Pushkin (Library of great writers. ed.

- S. A. Vengerov)]. Sankt-Peterburg, tipografiya Akts. obshch. Brokgauz-Efron Publ., 1908. Vol. 2. Pp. 308–314. (In Russ.)
- Pis'ma A. N. Maikova k F. M. Dostoevskomu (1868–1870)* [A. N. Maikov's Letters to F. M. Dostoevsky (1868–1870)]. *Pamyatniki kul'tury: Novye otkrytiya: Ezhegodnik*. [Cultural heritage. New discoveries. Annals]. 1982. Leningrad, Nauka Publ., 1984. Pp. 60–98.
- Pushkin A.S. *Boris Godunov. Poln. sobr. soch.: v 17 t.* [Boris Godunov. Complete works in 17 vols.]. Vol. 7. Moscow–Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1948. Pp. 5–96, 263–302.
- Pushkin A. S. *Zametka o «Grafe Nuline».* *Poln. sobr. soch.: v 17 t.* [<Note «On “Count Nulin”»>. Complete works in 17 vols.]. Vol. 11. Moscow–Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1949. 188 p.
- Pushkin A. S. «*Svobody seyatel' pustynnyi...».* *Poln. sobr. soch.: v 17 t.* [«The desert sower of freedom». Complete works in 17 vols.]. Vol. 2 (1). Moscow–Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1947. 302 p.
- Shanskii N. M., Ivanov V. V., Shanskaya T. V. *Kratkii etimologicheskii slovar' russkogo yazyka, izd. 2-e, ispr. i dop.* [Short etymological dictionary of the Russian language, 2nd ed.]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 542 p.
- Shmurlo E. F. [Sketches of Pushkin]. *Pushkinskii sbornik*. [Pushkin collection]. Praga, tip. Politika Publ., 1929. Pp. 5–52. (In Russ.)
- Turgenev I. S. *Faust, trag. Soch. Gete. Per. pervoi i perelozh. vtoroi chasti M. Vronchenko. Sobr. soch.: v 12 t.* [Faust, trag. Op. Goethe. Translation of the first and arrangement of the second part. M. Vronchenko]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. Vol. 12. 1979. Pp. 16–51.
- Vinogradov V. V. (ed.) *Slovar' yazyka Pushkina v 4 t. 2-e izd.* [The dictionary of language of Pushkin in 4 vols.]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. Vol. 2. 1088 p.